

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

КИТАЙ И СОСЕДИ

В НОВОЕ И НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1982

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЦИНСКОГО КИТАЯ С КОКАНДСКИМ ХАНСТВОМ

После захвата в середине XVIII в. цинскими войсками Восточного Туркестана кашгарские ходжи бежали в Коканд. Цинское правительство неоднократно обращалось к Коканду с требованием выдать ходжу Сарымсака¹. Однако кокандский хан Эрдэне-бий (1751—1770) и его преемник Нарбута-бий (1770—1798) на эти требования отвечали отказом. После Нарбута-бия на кокандский престол вступил его старший сын Алим, принявший титул хана (1798—1810). По отзыву кокандских авторов, «Алим-хан был храбрым государем»². При нем Коканд подчинил себе Ташкент, Каратегин, Дарваз и Бадахшанские владения. Как сообщают кокандские историки, Алим-хан повел войско также и на Кашгарию и захватил ее³. В «Тарих-и Шахрухи» содержатся следующие сведения о подчинении Алим-ханом Кашгарии: «Правители семи городов Кашгарии, прадеды которых находились на службе китайских хаканов и которые в течение нескольких лет не желали подчиняться [китайцам] и не представляли [им] дани, преклонили свои головы перед нами (Кокандом) и, не оказав ни малейшего сопротивления, подчинились нашим приказам и передали контроль делами андижанцев, [проживающих] в семи городах, в наше распоряжение. Вместе с тем ежегодно в числе караванов, [предназначенных] для правителей Коканда и Ташкента, отправляли произведения этих [семи кашгарских] городов и подарки в качестве дани, кроме того, знатные люди [Кашгара] направляли к ним посольства, которые наносили визит кокандским правителям»⁴. Здесь определенно речь идет об удовлетворении требования кокандцев в результате набега Алим-хана на Кашгар, что соответствует сведениям китайских и местных кашгарских источников.

При Алим-хане Коканд быстро усилился, и с ним вынуждены были считаться не только его соседи — бухарские эмиры, хивинские ханы, но также Китай и Россия. Об этом можно судить и по тону официальных китайских источников XVIII в., где говорится: «Эти и остальные буруты (речь идет о тяньшаньских киргизах.— *М. К.*) могут быть заслоном Китая за пределами его границ... Если случается делать какие-либо перемещения, то стоит только отдать приказ, и буруты исполняют

его. [Среди них] нет таких диких необузданных варваров, подобных кокандцам, которые бы не боялись приказов китайских властей»⁵. В ходе длительных и упорных переговоров цинский посланник убедил кокандского хана подписать соглашение⁶ об учреждении надзора над теми ходжами, которые по своему происхождению и авторитету могли бы претендовать на власть в Кашгаре. В обмен на это цинское правительство ежегодно выплачивало кокандскому хану, по одним данным, 250, по другим — 1000 слитков серебра и поставляло определенное количество чая⁷.

Согласно китайским источникам, в 1809 г. император Цзяцин (собственное имя Юн Янь) уведомил Алим-хана о том, что доставленные тогда в Кашгар кокандские товары полностью освобождаются от пошлины, впредь же обложение будет снижено вдвое⁸. Такая уступка цинского двора была обусловлена чисто политическими причинами. Неустойчивая обстановка в Восточном Туркестане заставила китайцев пойти на сговор с кокандцами, укрывавшими у себя ходжей, законных претендентов на управление Восточным Туркестаном, которые в любой момент могли повлиять на обстановку в оккупированном Цинами крае. Набег Алим-хана на Кашгар и поддержка, полученная им со стороны местного населения, еще раз показали маньчжуро-китайским властям, что влияние ходжей в Восточном Туркестане остается сильным. Путем известных экономических уступок цинское правительство рассчитывало добиться лояльности Коканда, а кокандские правящие круги, в свою очередь, решили использовать кашгарских ходжей в своих интересах.

Но кашгарские ходжи, жившие под надзором кокандских ханов, никогда не теряли надежды вернуться к власти в Восточном Туркестане. В правление кокандского хана Омара ходжа Джахангир, сын Сарымсака, дважды пытался бежать из Коканда в Кашгарию, чтобы поднять там восстание и захватить власть в стране. Однако в обоих случаях он потерпел неудачу. Омар-хан строго соблюдал договоренность с цинской администрацией Восточного Туркестана. «Джахангир-ходжа, желая завладеть кашгарским вилайетом (округом.— М. К.), опять бежал было из Коканда, но эмир, услышав о его бегстве, немедленно послал за ним погоню»⁹, — сообщает кокандский источник.

За свои услуги Цинам Омар-хан стремился извлечь для себя некоторые выгоды. В 1814 г. в Кашгар явился посланник кокандского хана Мирза Аббас и известил кашгарские власти, что Джахангир был задержан кокандским ханом при попытке перебраться в Кашгар. За это кокандский хан просил у цинских властей допустить в Кашгар Казибека, который ведал бы делами андижанцев, торгующих в Кашгаре, и взимал бы с них сборы (зьякет) в пользу кокандского хана. Иными словами, речь шла о передаче Коканду таможенных поступлений, соби-

раемых местными кашгарскими властями с торговцев — уроженцев Коканда¹⁰.

Но цинский наместник в Или Сун Юнь, считая, что все potomки восточнотуркестанских ходжей уже погибли, резко отказал Омару. Ответ, врученный кокандскому послу для передачи хану, гласил: «Коканд всего-навсего незначительный варварский удел, расположенный вне границ [Цинской империи]. Небесная династия позволила тебе общаться [с нами] и торговать. Уже этим тебе была оказана милость сверх меры... Как ты мог, безрассудно питая надежды, стремиться нарушать правила в делах Поднебесной?»¹¹.

В 1820 г. Омар-хан, несколько умерив свои претензии, ходатайствовал на этот раз только об утверждении двух кокандских аксакалов (старейшин), которые бы контролировали дела кокандских купцов в Кашгаре. Но и эта просьба была грубо отвергнута цинскими властями, и кокандские аксакалы были высланы из Кашгара. «Тогда в игру был введен уже непосредственно Джахангир»¹².

Однако белогорских ходжей нельзя рассматривать как простых марионеток хана Коканда. Они были истинными патриотами своей родины. Белогорские ходжи искали у кокандских ханов помощи и союза в борьбе с цинскими завоевателями; кокандские же ханы, в свою очередь, стремились использовать ходжей для распространения своего влияния на Восточный Туркестан.

Только в 1822 г., после смерти Омар-хана, Джахангиру удалось бежать из Коканда и беспрепятственно добраться до Алая, где он начал готовиться к походу на Кашгар. Здесь к нему присоединились бывший правитель Андижана Иса-датха и представитель кокандской знати Худаяр-мирза. «После присоединения этих людей, — отмечается в источнике, — дело Джахангира имело успех»¹³.

Джахангир объявил священную войну мусульман против неверных китайцев. В этой войне самое деятельное участие приняли народы Средней Азии — узбеки, киргизы, казахи, таджики и др. К 1825 г. Джахангиру удалось собрать несколько тысяч памирских и алайских киргизов, с которыми он в мае 1826 г. вторгся в пределы Кашгарского округа и расположился лагерем в селении Бешкирам. Жители Кашгара встретили Джахангира как избавителя от ига неверных и поддержали его, подняв всеобщее восстание против маньчжуро-китайских феодалов. Войсками Джахангира командовал андижанец Иса-датха. В битве, которая произошла на берегу р. Тюмень, маньчжуро-китайские войска под командованием Илийского цзянцзюня были наголову разбиты ополченцами Джахангира. Остатки цинских войск численностью около 9 тыс. человек заперлись в кашгарской цитадели (Гульбах), а Джахангир, приветствуемый жителями, въехал в Кашгар, где торжественно был возведен

на престол отцов и дедов. Он принял титул Сейид Джахангир султан и учредил придворные и военные чины по кокандскому образцу. Иса-датху он присвоил звание мингбаши (тысячник); щедро наградил он и других своих сподвижников. Глава киргизов Атантай стал его советником. Все кашгарские беки, за исключением кашгарского хакимбека — ставленника цинского Китая Мухаммед-сейида, который был приговорен к смертной казни, были оставлены на своих местах¹⁴.

Успех Джахангира послужил толчком для антицинских восстаний в других городах — Янгигисаре (Янгихссар), Яркенде и Хотане, жители которых, уничтожив маньчжуро-китайские гарнизоны, присоединились к Джахангиру.

Восстание Джахангира поддержал и кокандский хан Мухаммед-Али (1822—1842), который по призыву Джахангира с 10-тысячным войском явился под стены Кашгара. Однако попытки взять Гульбах штурмом оказались безуспешными. Кокандский хан, поссорившись с Джахангиром, вернулся в Коканд. Но многие беки и воины Мухаммед-Али (3 тыс. человек) отказались следовать за своим ханом и перешли на сторону кашгарских повстанцев, что способствовало росту авторитета и влияния кокандцев среди населения Восточного Туркестана, боровшегося за свою независимость от цинского Китая.

Уход кокандского хана из Кашгара некоторые китайские историки пытались объяснить «не столько военными неудачами, сколько вероломством самого Джахангира, отказавшегося от прежней договоренности, согласно которой якобы Джахангир обещал хану уступить Кашгар»¹⁵.

Кокандский источник относительно похода кокандского хана в Кашгар сообщает: «Вначале у Мухаммед-Али (Мадали-хан) не было намерения откликнуться на просьбу Джахангира и пойти к нему на помощь, но приближенные хана стали советовать ему исполнить просьбу Джахангира. Они особенно упирали на то, что война эта — газават, который даст хану громкий титул газы. Кроме того, по слухам, в Гульбахе имеется чуть ли не целый склад серебра в слитках. Услышав про серебро, Мухаммед-Али не выдержал и тотчас же приказал созывать войско на газават»¹⁶.

Захватив власть в Восточном Туркестане, Джахангир, однако, не принял достаточно эффективных мер для упрочения своей власти и тем самым дал врагу время оправиться. К сентябрю 1827 г. маньчжуро-китайские власти сосредоточили в районе Аксу 70-тысячную армию для похода на Кашгар, которая в январе 1828 г. выступила против Джахангира. Последний выслал навстречу многотысячное войско во главе со своим братом Махмуд-хан Тюрой, который, однако, в нескольких схватках с цинскими войсками был разбит. Таким образом, дорога в Кашгар была открыта. Сражение, происходившее на берегах р. Тюмень, также окончилось поражением войск Джахангира. Цинские вой-

ска ворвались в г. Кашгар и перебили множество мусульман; Джахангир с несколькими приближенными людьми бежал на Алай и скрылся в кочевьях киргизов. Последние события произошли 29 января 1828 г.¹⁷.

В погоню за Джахангиром цинское командование послало два отряда: один — на Алай, другой — в Сарыкол, но Джахангира обнаружить не удалось. Цинский император был недоволен тем, что Джахангиру удалось бежать. «Я послал войско, — писал он генералу Чан Лину и другим цинским военачальникам, — с тем чтобы искоренить самое зло. Вы же были у самого логова зверя и упустили его из рук; все прежние успехи не имеют никакого значения, так как еще остался зародыш будущих смут»¹⁸. Лишив военачальников почетных титулов, император еще раз обратился с требованием к правителям соседних владений изловить и выдать Джахангира. По словам кашгарских авторов, вероломная поимка Джахангира была делом рук кашгарского Хаким-бека Исхака. Он подкупил нескольких киргизских старшин и при их содействии схватил Джахангира и передал его властям. За это цинский двор присвоил Хаким-беку Исхаку и всем его потомкам княжеское звание цзюньван. Джахангира увезли в Пекин, где четвертовали. Его правление длилось всего девять месяцев¹⁹.

После подавления восстания Джахангира цинское правительство послало в Коканд требование выдать им его сына и племянников, проживающих в Коканде, за что цинские власти обещали кокандскому хану ежегодную награду в 1000 слитков серебра. Но кокандский хан отверг предложение Цинов. Как указывает китайский историк Вэй Юань, кокандский хан через своего посла сообщил цинскому двору, что он готов возвратить взятых в плен китайских солдат и простых людей, но по магометанскому закону не может выдать детей и внуков ходжей²⁰.

Тогда цинское правительство, обвинив кокандского хана в том, что он принимал участие в восстании, решило арестовать всех кокандских купцов в Восточном Туркестане как мятежников и порвать торговые отношения с Кокандом. «Предпринимая такие меры, — рассказывает Вэй Юань, — правительство императора надеялось, что кокандцы, доведенные до крайности отсутствием торговли, сами представят родственников Джахангира, только бы им дозволено было вести торговлю с Китаем»²¹. Но этого не произошло.

Влияние кокандцев на Восточный Туркестан укреплялось в основном через кокандских купцов, которые к тому же являлись серьезными конкурентами китайцев. Поэтому вся тяжесть репрессий цинского правительства пала в основном на кокандских купцов, проживавших в Восточном Туркестане. Осенью 1828 г. начались гонения на андижанцев-торговцев. Их большими группами высылали из страны, а тех, кто противился этому, арестовывали и конфисковывали их имущество²².

Устроив на границе Кашгарии таможенные заставы и торговые дворы и введя строгий контроль, цинские власти сильно сократили кокандскую торговлю. Чтобы нанести ей еще больший урон, цинские эмиссары установили контакт с бухарским эмиром и кундузским беком и предложили им привозить свои товары в Кашгар. А. Борнс, побывавший в Бухаре в 1831—1833 гг., упоминает о прибытии в Бухару китайского посла с прошением, чтобы эмир содействовал прекращению набегов кокандского хана. «Его величество благоразумно уклонился от всякого вмешательства»²³, — пишет А. Борнс. Однако, как показывают документы, бухарцы не преминули использовать создавшуюся ситуацию с пользой для себя. В ноябре 1829 г. в Кашгар через Дарвоз-Каратегин прибыла первая группа купцов из Бухары. В ходе переговоров посланцы Бухары просили разрешения прибывать в Кашгар через Бадахшан и Каратегин, минуя Коканд²⁴. Просьба бухарских купцов вполне совпадала с расчетами цинских властей, и указом от 10 января 1829 г. они ее удовлетворили. По мнению Пекина, киргизы за участие в восстании заслуживали наказания наравне с кокандцами, однако вследствие недостатка скота в Восточном Туркестане цинские власти вынуждены были пойти им на уступки. Киргизам было разрешено по-прежнему пригонять свой скот в Кашгар²⁵.

Экономические санкции цинского двора, как правильно отмечает В. С. Кузнецов, вызвали определенные затруднения в хозяйственной деятельности Коканда. Налоговые обложения торговли чаем и ревенем составляли одну из важнейших статей дохода кокандского двора. Почти полное прекращение завоза этих продуктов наносило серьезный ущерб хозяйству страны²⁶. Немалые средства давали и пошлинные сборы за транзит китайских товаров через территорию Коканда, а теперь чай шел в Афганистан и Турцию через Бадахшан и Бухару, минуя Коканд. Запрет на торговлю с Кашгаром лишал кокандский двор всех указанных источников дохода.

Мухаммед-Али-хан под давлением кокандской общественности, особенно купечества, стал деятельно готовиться к войне с цинскими властями Восточного Туркестана, которые к тому времени были уже достаточно обессилены неоднократными восстаниями уйгурских крестьян. Кокандский хан даже отправил своего посла в Россию, чтобы выпросить у русского царя несколько пушек и опытных офицеров для использования их против китайцев²⁷.

Главная цель кокандцев при подготовке похода в Кашгар заключалась в восстановлении торговли с Восточным Туркестаном. Чтобы заручиться помощью населения Кашгарии, Мухаммед-Али-хан тайком вызвал из Бухары Мэд-Юсуфа — старшего брата ходжи Джахангира и поставил его во главе кокандского войска, направляемого в Кашгар.

В сентябре 1830 г. кокандские войска выступили в поход.

Численность кокандских войск в источниках определяется по-разному: от 20—25 тыс. до 40 тыс. человек²⁸.

По рассказу одного из участников этого похода, Мирзы Шемсы, навстречу кокандцам был направлен маньчжуро-китайский отряд численностью 3 тыс. солдат. При урочище Минг-йол, вблизи цинско-кокандской границы, цинские войска были наголову разбиты кокандцами, после чего последние беспрепятственно подошли к Кашгару. Мусульманское население города с приходом кокандцев поднялось против своих угнетателей. При содействии жителей Кашгара кокандцы взяли город. Ходжа Мэд-Юсуф был возведен на престол предков. Все маньчжурские и китайские чиновники и их сторонники черноморцы заперлись в крепости Гульбах. Пока кокандский военачальник Хак-кули продолжал осаду Гульбаха, другое соединение кокандских войск под командой ташкентского кушбеги Лашкера разгромило маньчжуро-китайские гарнизоны в городах Янгигисар, Яркенд, Хотан, овладело этими городами и начало угрожать Аксу²⁹. Цинские власти, занятые подавлением очередного восстания китайских крестьян, не могли сразу мобилизовать необходимые силы для отпора кокандцам, которые, ограбив занятые ими города, вскоре ушли из Кашгара.

Одной из причин ухода кокандцев из Кашгара явилось обострение отношений Кокандского ханства с Бухарским, кроме того, поступили известия о приближении многочисленных цинских войск. Кокандцы избегали большой войны с цинским Китаем и решили вернуться к себе на родину. Вместе с ними вернулся и ходжа Мэд-Юсуф. Его правление в Восточном Туркестане длилось всего три месяца. По свидетельству Мирзы Шемсы, вместе с кокандскими войсками эмигрировали в Коканд свыше 60 тыс. кашгарцев. Они были поселены в Шарихон³⁰.

В связи с событиями в Восточном Туркестане цинское правительство командировало туда генерала Чан Лина, который, изучив обстановку на месте, поспешил отправить в Коканд посольство с предложением мира и дружбы. Сам этот факт свидетельствует о том, что Кокандское ханство было независимо от Китая. Кокандский хан отправил в Пекин ответное посольство во главе с ташкентским купцом Алим-пашой. Цинская сторона заявила, что она готова восстановить отношения с Кокандом, но в то же время считает, что кокандскому хану следует выдать Китаю ходжу Мэд-Юсуфа и других вожakov восстания, а также освободить всех пленных, захваченных кокандцами. Кокандский посол дал согласие на освобождение последних, но категорически отказался выдать ходжей. Он настаивал на предоставлении кокандским подданным права на беспопышную торговлю в Восточном Туркестане и потребовал от цинских властей Кашгара компенсации за конфискованное ранее у андижанцев имущество. Пока шли переговоры весной 1831 г., кокандцы, раздраженные неоднократными набегами киргизов на

торговые караваны, выступили против них. Хак-кули мингбаши с 7-тысячным войском разбил в верховьях Нарына киргизов племени саяк, взял в плен их предводителей Атантая и Тайлака и вернулся в Коканд с большой добычей и пленными. Другой кокандский военачальник, Лашкер, нанес поражение киргизским и казахским племенам, кочевавшим между реками Чу и Или, и вторгся в долину Иссык-Куля, где подчинил бугинцев. В результате Восточный Туркестан оказался опоясанным кокандскими владениями и Кокандское ханство в любой момент могло создать реальную угрозу маньчжуро-китайскому господству в этом районе. Граница между Кокандским ханством и Восточным Туркестаном проходила по линии цинских пикетов, расположенных у подножия Кашгарских гор. Это обстоятельство вынудило цинское правительство пойти на уступки Коканду. Переговоры закончились подписанием в январе 1832 г. мирного договора, по которому запрет на торговлю Коканда был снят и кокандцы получили право беспошлинной торговли в Восточном Туркестане, причем согласно этому же договору Коканду было предоставлено право сбора торговых пошлин (до того взимаемых местными цинскими властями) у андижанцев, торговавших в шести городах Восточного Туркестана (Аксу, Уч-турфан, Кашгар, Янгигисар, Яркенд и Хотан). Для сбора пошлин кокандский двор получал право назначать в этих городах специальных купеческих старшин, так называемых аксакалов, которые подчинялись кашгарскому торговому аксакалу; последний являлся фактическим консулом и политическим резидентом кокандского хана в Кашгаре. Все иностранцы (за исключением тибетцев, бадахшанцев и кашмирцев), приезжающие в Восточный Туркестан для торговли, должны были подчиняться кокандским аксакалам.

Кроме того, согласно договору 1832 г. за имущество, конфискованное цинскими властями у андижанцев, Коканду должна была быть выплачена компенсация в сумме более 10 тыс. лянов серебром. Кокандский же хан, в свою очередь, обязался следить за кашгарскими ходжами, проживающими в Коканде, не допускать их выезда из ханства, а в случае бегства разыскивать и подвергать заточению³¹.

Этот договор был утвержден цинским императорским указом 13 января 1832 г. С Кокандом установились торговые отношения. Первым кокандским аксакалом в Кашгар был назначен Алим-паша, подписавший этот договор. В начале 1832 г. он прибыл в Кашгар в сопровождении сотни андижанских и кашгарских купцов.

По свидетельству уйгурского историка Мусы Сайрами, значение договора 1832 г. состояло в том, что после его подписания из Китая вернулись на родину в Кашгар около 10 тыс. женщин и детей повстанцев, которые были вывезены китайцами во внутренние районы страны и проданы в рабство после по-

давления восстания Джахангира. Цинский Китай вернул их по просьбе хана Мухаммед-Али, который также, в свою очередь, возвратил цинским властям всех пленных маньчжуров и китайцев, а также кашгарских граждан, увезенных кокандцами во время восстания Мэд-Юсуфа 1830 г.³²

Договор 1832 г. значительно усилил влияние Коканда в Восточном Туркестане. Кокандцы, пользуясь ослаблением позиций цинского Китая в Восточном Туркестане, постепенно добивались все новых и новых привилегий. По договору кокандцам было разрешено облагать пошлиной лишь товары, привозимые их купцами, тем не менее они стали взимать пошлины и с товаров, привозимых иностранными купцами в Восточный Туркестан (исключение составляли лишь товары тибетцев и кашмирцев). Доход кокандского хана от торговых пошлин, поступавших из Кашгара в 40-х годах XIX в., составлял около 128 тыс. руб. в год³³, а по данным автора «Товарих-и хамса-и шарки» — 500 слитков серебра в год³⁴.

Однако кокандцы этим не удовлетворились. Они стали взимать подати также с земель кокандских подданных в Восточном Туркестане. По подсчетам Ч. Валиханова, кокандцы взимали подати с $\frac{1}{4}$ части населения Восточного Туркестана³⁵. Киргизы кашгарского и яркендского округов, за исключением турайгиркипчаков, кочевавших в окрестностях Ташмалыка, также платили кокандскому аксакалу подати со скота в размере $\frac{1}{40}$ части от пригоняемого на продажу скота³⁶.

Кокандские аксакалы пользовались в Восточном Туркестане исключительными правами. По свидетельству Ч. Валиханова, все кокандцы, ранее служившие ходжам, спокойно жили в Кашгаре под покровительством кокандских аксакалов. В бытность Ч. Валиханова в Кашгаре главным кокандским аксакалом был Насреддин, затем его сменил Нур-Мухаммед-датха (полковник). Оба они взяли под свое покровительство русского путешественника, иначе с ним могла бы произойти та же трагедия, что и с немецким ученым Шлагинвейтом³⁷.

Об исключительных правах, которыми пользовались кокандские аксакалы в Восточном Туркестане, свидетельствует такой факт: китайские солдаты и полицейские в базарные дни в Кашгаре обычно бесчинствовали на улицах, наказывая нагайками прохожих, не успевших уступить им дорогу, но стоило вмешаться кокандскому аксакалу, как подобные бесчинства прекращались. По требованию кокандского аксакала в Кашгаре было закрыто несколько публичных домов³⁸. Все это в глазах местного мусульманского населения Кашгарии подымало авторитет и влияние кокандцев, на которых они смотрели как на своих защитников. Хорошее отношение к кокандцам базировалось также на том, что в Коканде жили потомки кашгарских ходжей, законных претендентов на власть в Восточном Туркестане. Пекин с особым вниманием следил за действиями Коканда и пу-

тем экономических уступок рассчитывал добиться его лояльности. Однако кокандские правящие круги не всегда соблюдали условия договора 1832 г. Кокандский хан Мухаммед-Али и его преемники неоднократно помогали сыновьям ходжи Мэд-Юсуфа пробираться в Кашгар и поднимать там восстания. Так, в 1847 г. один из претендентов на кашгарский престол, Катта-хан Тюра (иначе Ишан-хан Тюра), воспользовавшись смутами, охватившими в это время Коканд, бежал со своими шестью братьями к киргизам Тяньшаня и, организовав там партизанский отряд из киргизских и узбекских добровольцев, вторгся в Кашгар. Благодаря поддержке кокандского аксакала Нур-Мухаммеда, перешедшего на сторону ходжей, Катта-хану удалось захватить Кашгар. Это восстание известно в истории Восточного Туркестана как восстание «семи ходжей»³⁹. Однако власть Катта-хана ограничивалась одним Кашгаром — жители других городов не поддерживали его.

В ноябре 1848 г. 30-тысячная цинская армия подошла к Кашгару. Не устояв перед численно превосходившим противником, ходжи вынуждены были бежать в Коканд. За ними последовало до 20 тыс. кашгарцев, но большая часть из них погибла при переходе через Терак-даванский перевал.

Разгром восстания «семи ходжей» обеспокоил кокандский двор, который опасался лишиться полученных ранее от цинских властей привилегий. Тогда кокандский хан направил в Пекин своего посла, который попытался заверить Цинов, что появление семи ходжей в Кашгарии произошло без ведома хана. Несмотря на явную неправдоподобность такого заверения, Пекин удовлетворился данным ему объяснением и вновь дал разрешение Коканду беспешинно торговать в Восточном Туркестане и иметь своего аксакала в Кашгаре⁴⁰. Такая уступчивость цинского правительства свидетельствовала о слабости власти в оккупированном крае. Кокандские правящие круги демонстративно назначили своим кашгарским аксакалом того же самого Нур-Мухаммеда, который недавно открыл семи ходжам ворота г. Кашгара. Такие действия кокандцев, как отмечал английский путешественник Г. В. Беллью, не только не подрывали их отношений с Китаем, а, наоборот, поднимали их престиж в глазах пекинского двора⁴¹.

Беспорядки и смуты, наступившие в Кокандском ханстве по вступлению на престол малолетнего Худаяр-хана, находившегося под опекой всецельного временщика Мусульманкула, позволили кашгарским ходжам организовать новые антицинские выступления в Восточном Туркестане в 1855, 1856 и 1857 гг. Первые два восстания успеха не имели, а последнее, под руководством ходжи Валихана, благодаря массовой поддержке кашгарского населения увенчалось успехом⁴². Оно вспыхнуло в тот момент, когда Цинская империя в связи с тайпинским восстанием переживала глубокий кризис. Это дало возможность

Валихану в течение короткого срока подчинить себе города Кашгар, Янгигисар, Яркенд, Хотан ⁴³.

Население Восточного Туркестана, находившееся под двойным гнетом — китайских и местных феодалов, в первое время активно поддерживало ходжей, ожидая от них облегчения своего положения. Однако ходжи сразу же обложили население высокими налогами, что вызвало недовольство населения. Явное предпочтение, оказываемое Валиханом кокандцам, и его страшная жестокость в конце концов восстановили против него коренных жителей Восточного Туркестана, и ходже Валихану пришлось бежать из Кашгара.

Весной 1858 г., после подавления цинскими войсками восстания, в Кашгар прибыл кокандский посланник Насреддин Саркар с предложением восстановить прежнее соглашение. Он заявил цинским властям, что кокандский Худаяр-хан огорчен бегством и бунтом ходжи Валихана, что в настоящее время этот мятежник доставлен в Коканд и заочен в тюрьму, что ханом приняты строгие меры к предотвращению подобных случаев.

Как указывает Ч. Валиханов, миссия Насреддин Саркара закончилась успешно. Кокандцам вновь было дозволено иметь своего аксакала в Кашгаре и вести торговлю в Восточном Туркестане на прежних условиях. На должность кашгарского аксакала был назначен Насреддин Саркар ⁴⁴. В августе 1858 г. он уже прибыл в Кашгар с небольшим караваном. Его сопровождали до 5 тыс. кашгарцев, эмигрировавших вместе с Валиханом в Коканд ⁴⁵.

Хотя в 1858 г. отношения между Кокандом и цинскими властями в Восточном Туркестане были восстановлены, однако, как отмечают путешественники, они по-прежнему оставались напряженными, так как кокандцы продолжали оказывать поддержку национально-освободительной борьбе уйгурского народа против цинского режима. По свидетельству Г. В. Беллью, когда в 1858 г. в Яркенд прибыл новый кокандский посол, которого сопровождало 30 человек (посольство от Малли-хана, свергнувшего власть Худаяр-хана), он по приказу цинского хаким-бека Афридунвана был убит китайским амбанем (начальником гарнизона) под тем предлогом, что посол и его сопровождающие якобы распространяли среди населения листовки, призывающие к восстанию ⁴⁶. Раздоры, продолжавшиеся в то время в Коканде, не позволяли кокандскому хану настоять на возмещении убытков, причиненных кокандскому посольству в Яркенде.

Однако в Кашгаре и Хотане влияние, которым пользовались кокандцы, было настолько сильным, что им удалось в отместку сместить хаким-бека Яркенда Афридунвана, занимавшего этот пост бессменно десять лет, и заменить его Рустам-беком из Хотана ⁴⁷.

Действия кокандцев, направленные против маньчжуро-китайского произвола и насилия, находили поддержку и сочувствие у местного уйгурского населения. Во всех восстаниях, происходивших в Кашгарии в XIX в., кокандцы принимали деятельное участие. Это вызвало у народов Восточного Туркестана сочувствие и симпатию к кокандцам. После каждого неудачного антицинского восстания в Восточном Туркестане сотни тысяч повстанцев, спасаясь от мести маньчжуро-китайских властей, устремлялись в пределы Кокандского ханства и находили там убежище.

В 1862 г. под влиянием тайпинского восстания в Китае в провинциях Шэньси и Ганьсу произошли выступления дунган, вскоре перекинувшиеся и в Синьцзян. В 1863 г. восстаниями были охвачены все города и округа Синьцзяна, где уйгуры и дунгане бок о бок вели героическую борьбу против прогнившего цинского режима. Это привело к падению господства маньчжуро-китайских феодалов в Джунгарии и Восточном Туркестане и к образованию на его территории нескольких независимых феодальных мусульманских государств (Кучарского, Кашгарского, Хотанского, Урумчинского и Кульджинского). Однако вскоре между ними началась междоусобная борьба за власть. В этот период внешнеполитические и торгово-экономические связи Кокандского ханства с Китаем прекратились.

Однако вмешательство Коканда в кашгарские дела не прекращалось. Кокандский хан отпустил ходжу Бузрука — единственного сына Джахангира в сопровождении кокандского полководца Якуб-бека в Кашгар. Под руководством Якуб-бека в Восточном Туркестане было создано единое централизованное государство, которое известно в истории под названием Йэтти-шар⁴⁸.

Вскоре после ухода Бузрук-ходжи и Якуб-бека в Кашгар само Кокандское ханство подчинилось России и прекратило самостоятельные сношения с Восточным Туркестаном.

¹ В русском источнике сохранилось известие, что «бывший в городе Яр-кени владелец Ходжан-бачи со всеми родственниками и ближними бежал к Эрдене-беку, узбекскому владельцу в г. Кэоку (Коканд), где и был принят, за ними было послано в погоню 9000 китайцев, но узбеки сообщая с киргизами побили их до 7000» (Н. Г. Потанин. О караванной торговле с Джунгарской Бухарией в XVIII столетии. М., 1868, с. 12—13). Согласно «Тарих-и Бадахшан», в Коканд бежало 9 тыс. семейств ходжей, в том числе и ходжа Сарымсак, единственный представитель белогорских ходжей, уцелевших в этих событиях (История Бадахшана. Изд. в тексте А. Н. Болдыревым. Л., 1959, с. 57).

² Мирза Алим, сын Мирзы Рахим Ташкенди. Ансаб-и ас-салатайн ва товарих ал-хавакаин (Родословная султанов и история хаканов). — Рук. АН УзССР, № 1314/I, л. 196—20а.

³ Там же.

⁴ Мулла Нияз Мухаммад б. Мулла Ашур Коканд. Тарих-и Шахрухи. Изд. в тексте Н. Пантусовым. Казань, 1880, с. 75.

⁵ Сун Юнь. Цинь дин Синьцзян шилкое (Высочайшие утверждения [книга] основных сведений о Синьцзяне). [Б. м.], 1821, с. 23—24.

⁶ В исторической литературе бытует мнение, что указанное соглашение было подписано при хане Омаре (1810—1822). В. С. Кузнецов, основываясь на сведениях китайских источников, предполагает, что оно было подписано еще предшественниками Омар-хана, но точной даты не указывает (В. С. Кузнецов. О реакционной сущности движения Джахангира. — «Известия АН КазССР». Серия ист., арх. и этногр. Вып. 1. Алма-Ата, 1961, с. 80).

⁷ Обзорение Кокандского ханства в нынешнем его состоянии. — «Записки русского географического общества». СПб., 1849, кн. 3, с. 196.

⁸ На Вэньи гун чоу хуа Хуйцзян шаньхоу ши цзоу-и (Доклады На Вэньи гуна о ликвидации последствий восстания в Восточном Туркестане). Сост. Жун Ань. [Б. м.], 1834, с. 146—15а; см. также: В. С. Кузнецов. Экономическая политика цинского правительства в Синьцзяне в первой половине XIX века. М., 1973, с. 120.

⁹ Мухаммед Хоким Хан Тюре. Мунтахаб ат-товарих. (Избранные сочинения). — Рук. ИВАН УзССР, № 592, 594, л. 472а, 301б.

¹⁰ В. С. Кузнецов. Экономическая политика..., с. 120.

¹¹ Лю Цзиньцао. Цинчао сюй Вэньсянь тункао (Дополнения к энциклопедии Вэньсянь тункао цинского периода). Шанхай, 1936, цз. 56, с. 811; цит. по: В. С. Кузнецов. Экономическая политика..., с. 120—121.

¹² В. С. Кузнецов. Экономическая политика..., с. 121.

¹³ Мунтахаб ат-товарих, № 594, л. 314а.

¹⁴ Ч. Ч. Валиханов. Собрание сочинений. Т. II. Алма-Ата, 1962, с. 129.

¹⁵ В. С. Кузнецов. О реакционной сущности движения Джахангира, с. 81.

¹⁶ Мунтахаб ат-товарих, № 594, л. 316а—316б.

¹⁷ Там же, л. 177б, 178а; Товарих-и манзума. — Рук. ИВАН УзССР, № 397, л. 8б.

¹⁸ Вэй Юань. Шэн у цзи (История императорских войн). 1842, цз. 4, с. 48.

¹⁹ Приложение к «Тарих-и рашиди». — Рук. ИВАН УзССР, № 10191, л. 408а; см. также: Мунтахаб ат-товарих, л. 319б—320а.

²⁰ Вэй Юань. Шэн у цзи, с. 51.

²¹ Там же, с. 51—52.

²² Там же.

²³ А. Борнс. Путешествие в Бухару (в 1831—1833 гг.). Ч. III. М., 1849, с. 432.

²⁴ Мирза Садик Мунши. Муншаат ва маншурат. — Рук. ИВАН УзССР, № 299/1, л. 121б.

²⁵ Ч. Ч. Валиханов. Собрание сочинений. Т. II, с. 322—323.

²⁶ В. С. Кузнецов. Экономическая политика..., с. 133.

²⁷ Посланик был отправлен к русским властям в Сибири, но Россия отказывалась удовлетворить просьбу Кокандского хана (см.: Материалы для истории завоевания Туркестанского края. Ташкент, 1841, с. 87).

²⁸ См.: В. В. Григорьев. Восточный или Китайский Туркестан. Вып. II. СПб., 1873, с. 451; Ч. Ч. Валиханов. Собрание сочинений. Т. II, с. 323—324.

²⁹ [Мирза Шемс Бухари]. О некоторых событиях в Бухаре, Коканде и Кашгаре. Записки Мирзы Шемс Бухари. Изд. текста с пер. и примеч. В. В. Григорьева. Казань, 1861, с. 38—39.

³⁰ Там же.

³¹ Курбан Али б. Халид Аягузи. Товарих-и хамса-и шарки (История пяти стран Востока). Казань, 1910, с. 100—102; Имам-Али Кундузи. Товарих-и манзуме (История в стихах). — Рук. ИВАН УзССР, № 397, л. 8а—9б, 15а, 24б, 43а. См. также: Ч. Ч. Валиханов. Собрание сочинений. Т. II, с. 325; В. С. Кузнецов. Экономическая политика..., с. 122—140.

³² Муса Сайрам и. Тарих-и эмения (История владетелей Кашгарии). Изд. в тексте Н. Пантусовым. Казань, 1905, с. 32—33.

³³ Обзорение Кокандского ханства в нынешнем его состоянии.— «Записки Имп. Рус. геогр. общества». Кн. 3. СПб., 1849, с. 85.

³⁴ Товарих-и хамса-и шарки, с. 102.

³⁵ Ч. Ч. Валиханов. Собрание сочинений. Т. II, с. 326.

³⁶ Там же, с. 372—373.

³⁷ Там же, с. 373. Немецкий ученый и путешественник Адольф Шлагинвейт был казнен в 1857 г. в Кашгаре по распоряжению ходжи Валихана.

³⁸ Там же, с. 374.

³⁹ Там же, с. 326—327.

⁴⁰ В. Наливкин. Краткая история Кокандского ханства. Казань. 1885, с. 168.

⁴¹ Г. В. Беллью. Дунгане с 1845 по 1869 г. Из истории Кашгара.— Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. XII, 1884, с. 225.

⁴² Ч. Ч. Валиханов. Собрание сочинений. Т. II, с. 334.

⁴³ В числе очевидцев этого восстания были Нур-Мухаммед-датха, бывший кокандский аксакал в Кашгаре, а также А. Шлагинвейт, находившийся в то время в Кашгаре.

⁴⁴ Ч. Ч. Валиханов. Собрание сочинений. Т. II, с. 337.

⁴⁵ Там же, с. 345.

⁴⁶ Г. В. Беллью. Дунгане с 1845 по 1869 г., с. 258.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ А. Н. Куропаткин. Кашгария (историко-географический очерк страны). СПб., 1879; Н. Корнилов. Кашгария или Восточный Туркестан. Опыт военно-статистического описания. Н. Маргелан, 1903; Г. В. Беллью. Кашмир и Кашгар. Дневник английского посольства в Кашгаре в 1873—1874 гг. СПб., 1877; Р. Шад. Очерки Верхней Татарии, Яркенда и Кашгара. СПб., 1872.

ТАТАРО –
МОНГОЛЫ
В АЗИИ
И ЕВРОПЕ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ТАТАРО-МОНГОЛЫ
В АЗИИ И ЕВРОПЕ

Сборник статей

Издание 2-е,
переработанное и дополненное

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1977

Ответственный редактор
член-корреспондент АН СССР
С. Л. ТИХВИНСКИЙ

Сборник освещает различные события, связанные с завоевательными походами Чингисхана и его преемников в страны Азии и Европы. В статьях показывается, что завоевания татаро-монголами этих стран носили грабительский характер и сопровождались невиданным разрушением производительных сил.

Т $\frac{10603-029}{013(02)-77}$ БЗ-49-8-76

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1977.

М. Кутлуков

МОНГОЛЬСКОЕ ГОСПОДСТВО В ВОСТОЧНОМ ТУРКЕСТАНЕ

Как известно, в первой четверти XIII в. Восточный Туркестан был подчинен власти Чингисхана. Так как правители страны не оказали сопротивления монгольским отрядам, то она избежала тех опустошений и разрушений, которыми сопровождались военные действия между монгольскими завоевателями и войсками местных правителей в других странах, например в Средней Азии. Но в дальнейшем господство завоевателей в Восточном Туркестане имело тяжелые для страны последствия.

В. В. Бартольд, имея в виду монгольские завоевания в Средней Азии, отмечал: «Мы знаем, например, что города, которые за упорное сопротивление... подвергались особенно тяжелой участи и как бы стирались с лица земли, потом восстанавливались и продолжали жить еще несколько столетий, тогда как в местностях, где жители добровольно покорялись завоевателям и потому сохраняли свои города в неприкосновенности, городская жизнь приходила в полный упадок»¹.

Именно так обстояло дело в Семиречье и Восточном Туркестане. В этих областях монголы не встречали сопротивления и не разрушали городов, но между тем уже в 50-х годах XIII в., всего через три десятилетия после прихода монголов, там отмечается исчезновение некоторых городов и увеличение за их счет пастбищ кочевников. Господство монгольских завоевателей отрицательно влияло на состояние экономики и культуры страны.

Монгольская феодальная знать организовала систему жестокого гнета. Трудящиеся массы жили в страшной нищете.

На крестьян и ремесленников были наложены тяжелые подати. Целые области и города были отданы на «кормление» монгольским ханам и военачальникам, которые закрепили крестьян и ремесленников.

Длительная междоусобная война, начавшаяся в 60-х годах XIII в. в Монголии, затронула также Уйгурию и Восточный Туркестан и тяжело отразилась на экономической жизни страны. Такие цветущие города Уйгурии, как Бешбалык, Илибалык, Алмалык, Кара-Ходжо и другие, еще при правлении приемни-

ков Чингисхана пришли в упадок, а после завоевания их чагатаидами в XIV в. превратились в развалины, и жизнь там больше не возобновлялась.

Такую же картину мы наблюдаем и на юге страны, в Кашгарии. Опустение городов в значительной степени было связано с общим упадком экономики страны и сокращением торговых связей с соседними странами.

Вопрос о влиянии монгольских завоеваний на историческое развитие стран Средней и Центральной Азии долгое время не получал правильного освещения в исторической литературе. Среди работ, написанных на эту тему, особое место занимают труды В. В. Бартольда. Несмотря на большое значение его исследований, общая оценка, данная им монгольским завоеваниям, не была принята советской историографией. В. В. Бартольд и его ученики недооценивали размеров разрушений, произведенных монгольскими войсками в Средней Азии, и фактов последующего экономического и культурного упадка стран этого и других регионов. Но исторические факты приводят нас к отрицательной оценке монгольских завоеваний в Средней Азии и других странах и результатов их господства.

Как сообщают летописи монгольской эпохи, в 1205, 1207 и 1209 гг. монголы, возглавляемые Чингисханом, предприняли опустошительные набеги на тангутское государство Си Ся, лежащее на северо-запад от Китая. В результате этих набегов тангутский царь Лун-Шидургу признал себя вассалом Чингисхана и отдал свою дочь ему в жены². В 1207—1208 гг. были покорены так называемые лесные народы, занимавшие территорию между Селенгой и Енисеем³.

В те же годы были завоеваны киргизы. В 1208 г. Чингисхан на берегу Иртыша нанес окончательное поражение остаткам найманов и меркитов. Найманский хан Кучлук бежал под защиту кара-китайского государства⁴.

В 1209 г. правитель Уйгурии⁵ Барчук, носивший титул идикута, поднял восстание против кара-китаев, у которых он находился в зависимости, и пошел на союз с Чингисханом, направив к нему своих доверенных людей с посланием⁶. Кара-китайский наместник в Уйгурии, по имени Шаукам, был убит восставшими⁷, что явилось сигналом к началу освободительного движения мусульман Восточного Туркестана. Восставшие в союзе с найманским ханом Кучлуком в 1211 г. свергли власть кара-китаев в Восточном Туркестане⁸. Однако Кучлук, придя к власти, стал подвергать притеснениям мусульман в Восточном Туркестане, что вызвало восстание против Кучлука⁹.

Будучи осведомленным о событиях в Кара-Ходжо и Восточном Туркестане, Чингисхан принял послов идикута весьма благосклонно и прислал посольство с ответом: «Пусть идикут приезжает, я за него отдам дочь и он станет [мне] пятым сыном»¹⁰. Барчук взял с собой золото, серебро, жемчуг, ткани, поехал в

Монголию и в знак покорности преподнес ему дары. Чингисхан оказал Барчуку большую милость, пожаловав идикуту свою дочь Алтун-беги¹¹. Уйгурия получила статут пятого улуса, следующего за улусами четырех сыновей Чингисхана. Сам идикут был принят как пятый сын¹². Согласно «Джами ат-таварих», это событие произошло в 607 г. х. (1210—1211)¹³, т. е. в канун выступления Чингисхана на войну с государством Цзинь. С этой даты можно считать оформление союза уйгурского идикута с Чингисханом.

В том же году Чингисхан принял явившихся к нему на поклон двух других бывших вассалов кара-китайского гур-хана. Одним из них был Арслан-хан, глава тюрков-карлуков, другим — Бузар (Озор), правитель Алмалыка. Оба они окончательно отмежевались от кара-китаев, признали себя подданными Чингисхана. Последний дал им в жены девушек из своего рода¹⁴.

С одной стороны, присоединение владений уйгуров, карлуков и других народов к Чингисхану без сопротивления, происшедшее перед началом его завоевательных походов на запад, было результатом дипломатических мер, предпринятых Чингисханом. С другой — добровольное подчинение всех этих правителей монголам объяснялось тогдашней обстановкой в Центральной Азии.

Восстание уйгуров и карлуков вспыхнуло в то время, когда многолетнее господство кара-китаев в Средней Азии было подорвано изнутри и фактически возникло новое государство, простиравшееся от Семиречья до Кашгара. Во главе этого государства стал вождь найманов Кучлук-хан, который, воспользовавшись выгодной политической ситуацией в Средней Азии (захват Самарканда и Бухары хорезмшахом Мухаммедом), сел на престол в кара-китайском государстве. Кучлук намеревался подчинить себе ранее отложившиеся кара-китайские владения и начал опустошительные набеги против этих областей¹⁵. Тогда-то уйгуры и карлуки решили подчиниться могущественному Чингисхану, чтобы быть под его защитой.

Уйгурские правители, действительно опираясь на помощь монголов, вскоре покончили со своим зависимым положением от кара-китаев. К тому же союз с монгольскими завоевателями сулил феодалам обогащение за счет ограбления других покоренных народов.

Однако признание вассалитета прежде всего означало потерю фактической независимости, подчинение экономической и культурной жизни уйгуров интересам монгольской военно-феодальной знати, а это способствовало разобщению уйгурского народа и истощало материальные и людские ресурсы страны, что обусловило упадок ее в политической, экономической и культурной областях. В течение последующих веков Уйгурия так и не вышла из состояния застоя.

Другие области Восточного Туркестана присоединились к государству монголов, так же как и Уйгурия, без сопротивления, в результате только одного рейда монгольского отряда. Этому в значительной степени способствовали религиозные гонения, организованные Кучлуком против мусульман.

По Джувейни, Кучлук, подобно другим найманам, исповедовал христианство, но затем под влиянием своей жены, дочери гур-хана, принял буддизм. Подчинив силой оружия Хотан и Кашгар, Кучлук решил принудить их население отказаться от ислама, предоставив ему выбор между христианством и буддизмом¹⁶. По словам Джувейни, он даже заставлял мусульман носить китайскую одежду. Публичные мусульманские богослужения были запрещены, непослушных он наказывал военным постоем, т. е. размещал своих воинов по домам мусульман и позволял им всячески притеснять их¹⁷. Имам Ала ад-дин хотанский за сопротивление Кучлуку был пригвожден к дверям своей собственной мечети¹⁸. Одной из причин враждебного отношения Кучлука к исламу, по мнению В. В. Бартольда, явился его страх перед освободительным движением мусульман Восточного Туркестана, поддерживаемым хорезмшахом Мухаммедом.

В 1218 г. Чингисхан послал против Кучлука Джэбэ-нойона с 20-тысячной армией, который, вступив в страну, объявил, что каждый может «остаться в своей вере и сохранять путь отцов и дедов». Жители Кашгара тотчас же подняли восстание против Кучлука и перебили всех его воинов, размещенных по их домам. Сам Кучлук бежал в Бадахшан, но там, в Сарыколе, был настигнут монголами и убит¹⁹.

По свидетельству Рашид ад-дина, монголы не грабили имущество мирных жителей Восточного Туркестана. Однако они получили значительную добычу, и Джэбэ даже смог предоставить Чингисхану в подарок тысячу коней с белой мордой²⁰.

С захватом Восточного Туркестана и Семиречья был открыт прямой путь в государство хорезмшахов, на которое Чингисхан и обрушил свою огромную по тому времени военную силу, оснащенную осадной техникой. Поводом для войны с хорезмшахом послужил оттарский инцидент, в котором погиб весь караван (450 человек), отправленный Чингисханом из Восточного Туркестана²¹.

Согласно постановлениям Чингисхана, все покоренные народы, в том числе уйгуры, должны были поставлять воинов в его войска во время походов. Как писал Джувейни, во время похода Чингисхана на запад в Каялыке к нему присоединились со своими отрядами, кроме местного правителя Арслан-хана Карлукского, Согнак-тегин алмалыкский и уйгурский идикут Барчук²². В биографии Барчука, помещенной в «Юань ши», также говорится, что он участвовал в войне с найманами, убил четырех сыновей Даян-хана, лично командовал 10-тысячным уйгурским отрядом во время похода на мусульманские государства,

осаждал Отрар и Нишапур, содействовал разгрому тангутского государства Си Ся. После смерти Барчука престол наследовал его второй сын Огул-тегин, а после смерти Огул-тегина — его сын Мамулаг-тегин. При великом хане Мэнгу идикут Мамулаг со своим 10-тысячным войском принимал участие в походе на Южный Китай²³.

Участие уйгуров в грабительских походах монгольских ханов не ограничивалось войсками идикута. Некоторые уйгурские феодалы также присоединились к монголам со своими отрядами. Так, в биографии уйгура Си-бань сообщается: «Его отец Цюэ-ли-бе-во-чи... узнав, что Тай-цзу (Чингисхан) предпринимает поход на запад, во главе вооруженного отряда присоединился к нему и сопровождал его в походе на мусульманские государства»²⁴.

По свидетельству Рашид ад-дина, войска, собранные из уйгуров, карлуков, туркмен, кашгарцев и кучарцев, под командованием темника Мелик-шаха сражались на стороне Чингисхана в Хорасане²⁵. Другой уйгур, Али-Бахши, тоже командовал тысячным уйгурским отрядом²⁶.

Участие уйгурских войск в завоевательных походах Чингисхана несомненно отразилось на хозяйственной жизни Восточного Туркестана, тем более что уйгуры чаще всего не возвращались из походов, а оставались в завоеванных областях, неся там гарнизонную службу.

От походов монгольских ханов обогащались только уйгурские феодалы. Они богатели за счет грабежа и пожалований. Многие из них становились монгольскими наместниками (даруга, или даругачи) в городах покоренных стран. Так, например, сам Чингисхан назначил сына некоего Ха-ла-и-ха-чи даругой одного города и дал ему золотую пайцзу²⁷. Другой уйгур, по имени Цюэ-ли-бе-во-чи, за участие в походе против Джалал ад-дина получил большое поместье (200 хозяйств) и был назначен даругой города Куньлюй²⁸. Уйгур Са-цзы-сы, воевавший в Маньчжурии, имел звание даруги и за заслугу получил поместье в 1000 цин земли²⁹ (что составляло 6144 га). Подобных примеров можно привести немало.

Многие уйгурские феодалы обогащались за счет грабежа и эксплуатации населения порабожденных стран. Так, уйгурский полководец Ариг Хая, принимавший участие в завоевании Южного Китая, во время похода на Цзинху (пров. Хубэй) захватил 3800 дворов крестьян и превратил их в своих домашних рабов, установил надзор и взимал с них ежегодный налог. Правительственные чиновники не имели права вмешиваться в его дела³⁰.

Уйгурские феодалы пользовались большим доверием монгольских ханов. Они занимали даже крупные посты в их государстве. Джувеини и Рашид ад-дин упоминают имена нескольких уйгурских чиновников, занимавших крупные должности при дворе Чингисхана и его преемников. Один из них был

Тататун-а, хранитель печати найманского хана, он состоял на той же должности при дворе Чингисхана. Кроме того, ему было поручено обучать уйгурской грамоте сыновей хана. Монголы переняли у уйгуров их письменность³¹.

При дворе монгольских ханов работали многие уйгурские ученые-буддисты, языковеды, математики-астрономы. Один из них был уйгур Атай-Сали — видный буддист при дворе монгольских ханов, правивших в Китае. Он сыграл большую роль в распространении буддизма среди монголов. По просьбе идикута он вернулся на родину. Его сын и внук тоже были буддистами и за большие заслуги в распространении буддизма получили от монгольских ханов высокие звания. Уйгур Сянай был главнокомандующим западных дорог³². Другой уйгур, по имени Чинкай, занимал пост первого министра при великих ханах — Угэдэе (1229—1241) и Гуюке (1246—1248)³³. Некоторые уйгуры ездили от императоров во главе дипломатических миссий. Так, Хэй-ми-ши посетил Малабор и другие заморские страны в качестве посла императора³⁴.

По словам В. В. Бартольда, уйгуры были первыми учителями монголов и первыми чиновниками Монгольской империи³⁵. Уйгуры играли значительную роль в управлении завоеванными монголами странами. Так, по свидетельству Рашид ад-дина, управление монгольскими владениями, лежащими на юг от Амударьи, т. е. Хорасаном и Ираном, было поручено уйгуру Куркузу, который привел в порядок дела Хорасана и Мазендарана³⁶. По сообщению того же автора, управление Северным Китаем было передано Сахибу Махмуду Ялавачу, бывшему наместнику Чингисхана в Мавераннахре. Его сын Масуд-бек правил Мавераннахром, Восточным Туркестаном и Уйгурией³⁷ и сохранял за собой эту должность до самой смерти (1289).

Одновременно монгольские правители направляли в Среднюю Азию и Восточный Туркестан монголов и китайцев для обслуживания государственного аппарата этих стран³⁸.

Таким образом, тактика монгольских завоевателей состояла в том, чтобы в управлении каждой из завоеванных стран участвовали главным образом чужеземные элементы. Привлечение мусульман на службу к монголам объяснялось еще и тем, что как кочевники они стояли на низкой ступени культуры и не имели опыта в управлении покоренными народами.

Если же монголы оставляли местные органы власти в покоренных областях в руках местной знати, то при них назначались монгольские чиновники — даруги. Их основными обязанностями, по В. В. Бартольду, были: 1) перепись жителей, 2) набор войска из местного населения, 3) устройство почтовых сообщений, 4) соби́рание податей, 5) доставление ко двору дани, 6) контроль за деятельностью местных властей³⁹.

В Уйгурии во главе страны формально стоял местный наследственный правитель, носивший титул идикута и распола-

гавший штатом местных чиновников — тутук, ябгу, беки и др.

Однако, хотя Уйгурия получила статут пятого улуса, политика монгольских правителей в отношении уйгурских идикутов не всегда была одинаковой. В первый период, когда Чингисхану предстояла борьба с его врагами на востоке и ему нужно было завязать тесные отношения со странами запада, в частности с уйгурским идикутом, монголы довольствовались признанием зависимости и подношением даров со стороны уйгуров, даруги еще не назначались ими и не устанавливались обязательные нормы податей⁴⁰. Но начиная с правления Мэнгу-хана (1251—1259) их политика по отношению к вассальным владениям изменилась. Это отчасти объяснялось военными победами, одержанными монголами в Китае и на Западе. Теперь их политика в Уйгурии не отличалась от той, которая проводилась в других завоеванных странах⁴¹. Наряду с местными чиновниками были поставлены монгольские даруги, основной задачей которых было выкачивание средств в пользу монгольского хана. Права идикутов после назначения даруг стали подвергаться ограничениям даже в области внутреннего управления, как, например, в сборе податей, наблюдении за трудовой повинностью, за деятельностью чиновников и т. д.

В 1251 г. Западная Джунгария и Кашгария вошли в состав чагатаева улуса, но Уйгурия продолжала оставаться в вассальной зависимости от великих ханов.

Хотя идикуты, как и прежде, считались верховными правителями, однако реальная власть в стране полностью находилась в руках монгольских чиновников. Уйгурские идикуты во всем должны были подчиняться монгольским властям и исполнять все их предписания. За малейшую провинность или уклонение от соблюдения ясы Чингисхана монголы строго наказывали их. Так, в 1252 г. по приказу Мэнгу-хана был казнен идикут Салынды, пользовавшийся влиянием среди высокопоставленных уйгуров⁴². Такая же участь постигла Куркуза, управлявшего в конце царствования Угэдэя Хорасаном и Ираном, по словам Рашид ад-дина, за непочтительные слова в адрес жены Чагатая⁴³.

В «Краткой истории уйгуров» говорится: «Монголы, назначив даругачей в государстве гаочанских уйгуров, поставили под контроль политические, хозяйственные и военные дела уйгурского государства. Они держали в столице уйгуров многочисленный гарнизон, учредили должности сборщиков налогов и битикчиев, в случае войны посылали уйгурские войска в далекие страны; глава гаочанских уйгуров — идикут обязан был подчиняться и соблюдать законы монголов. Так, слуга Салын-тегина ложно донес на него, что якобы он хотел истребить всех мусульман в своих владениях. Монгольский хан вызвал [Салын-тегина] в Каракорум, бросил в темницу и затем обезглавил его. Монголы часто вызывали влиятельных знатных людей из

уйгуров в Монголию или Китай и держали их там под постоянным надзором»⁴⁴.

В покоренных монголами странах, в том числе в Восточном Туркестане, крестьянство страдало от непосильных налогов, податей и повинностей, а также от злоупотреблений чиновников.

Оставленные на месте уйгуры занимались главным образом земледелием, хлопководством и виноградарством, а также разводили скот. Существенное место в экономике принадлежало ремеслу и торговле. В стране господствовали феодальные отношения, крестьяне и ремесленники были обязаны в определенные сроки вносить налоговые платежи в пользу государства и выполнять феодальную повинность. Подчинив себе Восточный Туркестан, монголы использовали существовавший там феодальный строй в своих интересах. При господстве монголов закрепощение уйгурских крестьян еще более усилилось. Монгольские правители, назначая уйгурских феодалов на должности даругачей, раздавали им крестьян вместе с землями. Зависимые крестьяне и земли, пожалованные феодалам, назывались «инджу». Раздача земель и крестьян в «инджу» получила широкое распространение⁴⁵.

Согласно постановлениям Чингисхана, человек приписанный к определенной тысяче, сотне и десятку, не мог покинуть их и перейти к другому хозяину. Беглец карался смертной казнью. Подвергался наказанию и тот, кто укрывал его⁴⁶.

Основной формой эксплуатации крестьян, как и прежде, была рента продуктами. Одновременно существовала и отработочная рента; широкое распространение имели отработки в пользу государства⁴⁷. Каждый крестьянин обязан был платить налог деньгами или натурой, а также отбывать государственную трудовую повинность. Последняя выражалась в отправке крестьян на определенные работы или поставке лошадей для нужд государства⁴⁸.

Налоги, взимавшиеся центральным правительством и местными властями, часто приводили к разорению крестьян⁴⁹. В одном из документов, найденных в Восточном Туркестане, говорилось: «В этом году умрем, если обязаны будем с каждого мужчины платить два албана. Для снятия с нас албана должен быть ярлык»⁵⁰. Налоговой гнет крестьян усугублялся еще и тем, что как в Китае, так и в Средней Азии вопреки настоятельному совету Елюй Чу-цая практиковалась отдача податей на откуп мусульманским купцам⁵¹. Эта система открывала двери для многих злоупотреблений.

Самой тяжелой повинностью для населения была почтовая служба, которая была организована в 1235 г. и которую крестьяне несли поочередно. Почта должна была обслуживать всю систему управления, т. е. перевозить огромное число посланцев, гонцов и чиновников, а также грузы.

Почтовые тракты проходили главным образом через земли

уйгуров, где было создано множество станций — ям. На каждой станции должны были находиться по 20 человек улачинов (почтарей) и табун свежих лошадей, а также стада баранов для продовольствия проезжающих⁵².

По свидетельству Плано Карпини, в Монгольской империи подданные обязаны были давать проезжающим не только подводы и продукты, но и людей для охраны лошадей и слуг для послов⁵³.

Ехавшие на перекладных по почтовым трактам представители знати, чиновники, послы, гонцы и их многочисленные сопровождающие, имеющие на руках так называемые пайцзы — золотые, серебряные и бронзовые пластинки с надписями, предоставлявшие им право, помимо транспортных средств, требовать от населения выполнения самых разных повинностей, причиняли много зла жителям сел и городов Восточного Туркестана⁵⁴.

Злоупотребления монгольских властей нашли отражение даже в указе (ярлыке) Мэнгу-хана. В частности, там говорилось: «Насилия и притеснения достигли высшей степени, причем особенно доведены до крайности земледельцы множеством всякого рода тягот — взысканиями и бременем чрезвычайных налогов, так что польза, получаемая ими, не равнялась и половине взыскания [в виде повинностей]»⁵⁵.

Земельная и налоговая политика монгольских феодалов и особенно злоупотребления, чинившиеся властями, вызвали резкое ухудшение положения крестьянства — обезземеливание, обнищание и случаи массового голода. Об этом свидетельствуют китайские источники. В частности, в «Юань ши» сказано: «Император одарил обедневший народ Ха-ми-ли (Хами) и Кара-Ходжо деньгами и скотом»⁵⁶. Под годом 1289 там же сообщалось о жителях Хами, переживавших голод: «Тогда император [Хубилай] распорядился, чтобы из провинции Ганьсу в Хами было послано зерно»⁵⁷. В записи за 1286 г. упоминается о том, что Хубилай приказал, чтобы «народу Кара-Ходжо и Хами, пострадавшему от голода, было дано зерно и скот»⁵⁸.

Крестьяне, доведенные до отчаяния, потеряв землю, массами покидали родные края. Те, кто не смог бежать, становились крепостными монгольских феодалов. Нередко люди продавали членов своих семей в рабство. В одном документе сообщалось, что отец из-за нужды продал в рабство своего сына по имени Мубарек-Коч⁵⁹; в другом говорилось, что старший брат отдал младшего на три года в кабалу⁶⁰.

В системе феодального гнета, установленной монголами, большую роль играла церковь, особенно буддийская. В Уйгурсии, где подавляющая часть населения еще оставались буддистами, духовенство пользовалось различными льготами. Буддийским монастырям предоставлялись обширные земельные владения. Монахи освобождались от налогов и повинностей. Желая

избавиться от непосильных налогов, крестьяне сами отдавали земли монастырям, становясь зависимыми от них.

Как известно, монгольские правители отличались веротерпимостью. Но в то же время они требовали строгого соблюдения своих обычаев и традиций. По рассказам Рашид ад-дина, в царствование Чагатая и Хубилая мусульмане могли только тайно совершать свои омовения в текучей воде и убивать баранов по правилам, предписанным шариатом⁶¹, так как оба этих обычая не соответствовали монгольским обрядам. Тому, кто резал животных по способу мусульман, а не по-монгольски, должно было самому перерезать горло, а его жену, детей, дом и имущество отдавали доносчику⁶². «Под этим предлогом,— замечает Рашид ад-дин,— у людей забрали много богатства. Прельщали рабов-мусульман, говоря им, что мы освободим того, кто донесет на хозяина, и ради своего освобождения они наговаривали на хозяев и обвиняли их в преступлении. Дело дошло до того, что мусульмане в продолжении четырех лет не могли совершать обрезание своих сыновей. Маулана Бурхан ад-дин Бухари преподавал в Хан-Балыке, на него донесли, его выслали в Манзы, где он и скончался. Дело дошло до того, что большинство мусульман оставили Китайскую страну»⁶³.

Жестокый феодальный гнет, установленный монголами, и разруха в сельском хозяйстве повлекли за собой столь же серьезную деградацию ремесленной промышленности и торговли.

Выгодное географическое положение Восточного Туркестана и торговые пути, связывавшие Китай с Средней Азией и проходившие через уйгурские города, могли способствовать развитию торговли в Уйгурии. Но этому помешали почти непрерывные междоусобные войны и фактический распад Монгольской империи на ряд самостоятельных улусов, от которых больше всего пострадали уйгурские земли. Правда, при дворе монгольских ханов как в Монголии до 1260 г., так и в Китае находилось много уйгурских и мусульманских купцов. Но большинство их занималось ростовщичеством в Китае и Монголии. Если кто из них и вел транзитную торговлю в незначительных размерах через уйгурские земли, то это не имело большого значения для экономики страны.

Таково было состояние экономики Уйгурии. Народные массы, доведенные до полной нищеты, становились перед необходимостью активной борьбы. В 1238 г. восстали крестьяне и ремесленники г. Бухары, которыми руководил Махмуд Тараби. Такое же восстание вспыхнуло и в Уйгурии, где к восставшим присоединились и войска самого идикута. Оба восстания были подавлены совместными усилиями монгольских и местных феодалов.

Монгольские правители, обеспокоенные сокращением доходов казны в результате обнищания крестьянства, напуганные восстаниями, сделали попытку урегулировать систему налогов.

Они заменили бесчисленные поборы подушной податью с учетом доходов населения. Размеры налога были неодинаковы. Согласно Рашид ад-дину, в областях Северного Китая и в Мавераннахре богатый платил в год 10—15 динаров, а бедный — 1 динар. В Хорасане богатый платил 7—10 динаров, а бедный — 1 динар. О размерах налога в Уйгурии в источниках не сказано, но известно, что, как и в других местах, налог со скота «копчур» взимался по одной голове с каждой сотни, причем меньше сотни налогом не облагалось⁶⁴.

Цитированный ярлык Мэнгу-хана вводил ограничения против произвола военных и гражданских властей. В нем говорилось: «Мэнгу-хан приказал отобрать у всех печати и ярлык, которые придворными чинами или князьями без разбора были выдаваемы, и строго запретил, чтобы впредь царевичи не писали и не давали никаких приказов в каком-нибудь деле, которое имеет отношение к управлению вилайетами, не запросив мнения ханского наместника»⁶⁵. Он также принял постановление, чтобы ни один гонец не брал на станции более 14 лошадей и чтобы почтовыми лошадьми не пользовались частные лица и не брали у населения фуража и провианта сверх положенного им⁶⁶.

Однако практически ярлык Мэнгу-хана ни в Мавераннахре, ни в Восточном Туркестане не мог найти применения в условиях междоусобицы.

В 1260 г. после смерти великого хана Мэнгу в Монголии началась междоусобная война, которая была вызвана борьбой за престол между двумя братьями умершего хана, из которых один (Ариг-Буга) был провозглашен великим ханом в Монголии, а другой (Хубилай) — в Китае. Оба старались подчинить себе Среднюю Азию и Восточный Туркестан и посылали туда царевичей. Хотя эта война кончилась победой Хубилая, однако ему так и не удалось подчинить себе Среднюю Азию, где образовалась новая коалиция монгольских князей против Хубилая. Во главе ее стоял внук Угэдэя, Хайду, создавший в 1269 г. в Средней Азии независимое монгольское государство⁶⁷.

Хайду организовал против Хубилая довольно сильный и прочный союз князей, в который входили потомки Угэдэя и Чагатая, разгромленные ханом Мэнгу. Хайду овладел землями по берегам р. Эмиль и распространил свою власть на Восточный Туркестан. Уйгурия стала яблоком раздора между Хайду и Хубилаем.

Вооруженная борьба между Хайду и Хубилаем продолжалась вплоть до самой смерти последнего (1294). Ею была охвачена почти вся территория Восточного Туркестана и Джунгарии. В одном среднеазиатском источнике отмечается: «После того как Эсэн-Бука (сын Дуви-хана, ум. в 709 г. х.— 1309—1310 г.) вступил на престол, он в течение трех лет царствовал независимо. Усавур-оглан (чагатайский царевич, правивший в Хора-

сане.— М. К.), возжаждав [захватить] по повелению каана [Хубилая] владения Чагатая, подошел к границе Кара-Ходжи. Эсэн-Бука и Кибек (сын Дува-хана, ум. в 721 г. х.— 1321—1322 гг.) с многочисленными войсками выступили, чтобы его отразить. Так как вследствие многочисленности войск их прохождение по одной дороге было затруднительным, Эсэн-Бука отправился по дороге через Кашгар, а Кибек — по Алмалыкской. Войска Эсэн-Буки шли, разоряя каждое поселение, которое случалось по пути, предполагая, что если они встретятся с врагом и одолеют [его], то после сокрушения и покорения врага [поселения] благоустроятся, а если потерпят поражение, то врагу не будет от них пользы. Кибек же поступал наоборот, и при прохождении благоустраивал и возделывал все вилайеты, которые попадались на [его] пути.

Когда он, Эсэн-Бука, сразился с Ясавуром, Инкарджак, верховный эмир Эсэн-Буки, находясь в центре армии, обратился в бегство, и все войско [его] потерпело полное поражение... Куда бы ни приходили на обратном пути войска Эсэн-Буки, кроме плода раскаяния, они ничего не обнаруживали из посеянного своими деяниями, пока не дошли до того, что съели всех животных. А войска Кибека на обратном пути шли все дни счастливо, в довольстве и веселье»⁶⁸. Уйгурское население, проживавшее к северу и югу от Тянь-Шаня, сильно страдало от этой междоусобной войны монгольских феодалов.

Автор сирийской биографии несторианского патриарха Мар Ябалахи III (1281—1316), уйгур по происхождению, рассказывает, что монахи — Мар Ябалаха и раббан Саума на пути из Китая в Иран (в 70-х годах XIII в.) видели Хотан и Кашгар опустошенными и без населения. Недельный путь от Хотана до Кашгара они прошли за шесть месяцев и нашли город совершенно опустевшим. Они сами едва спаслись от ограбления и плена⁶⁹.

Таким же опустошениям подвергалась и северная часть страны. В источнике отмечается, что «воины Ариг-Буги до такой степени притесняли народ, что в Илийской долине наступил голод, от которого погибло много народа»⁷⁰.

Г. Рубрук, проезжавший через Семиречье в 1253 г., в своих записках отмечает, что в части Семиречья к северу от Или, почти не пострадавшей от военных действий, уже к этому времени много городов исчезло и уступило место пастбищам⁷¹. Большое число развалин видел также китайский путешественник Чжан Дэ-хуй в 1259 г. в Чуйской долине⁷².

То же самое наблюдалось в Восточном Туркестане, где все свободные земли были захвачены монгольскими феодалами. Бывали случаи, когда в интересах кочевой знати под пастбища отводились культурные земли, ранее использовавшиеся под пашни, огороды и сады⁷³. Вследствие этого в некоторых местностях Восточного Туркестана (например, в Лобноре и Карашаре), а

также в Илийской долине земледельческая культура совсем исчезла.

В 1269 г. на Таласе был создан курилтай, на котором постановили, чтобы царевичи жили в горах и степях и не подходили к культурным землям. Однако в условиях междоусобиц это постановление оставалось на бумаге.

Уйгуры, выступившие на стороне Хубилая, не смогли оказать достаточного сопротивления коалиции Хайду, так как были ослаблены участием в походах Чингисхана и его преемников. Удар, нанесенный Хайду, был так силен, что уйгуры вынуждены были оставить Бешбалык.

В «Юань ши» по поводу этого события сказано: «Во время мятежа Хайду уйгурский народ подвергался разорению и рассеялся. Было указано идикуту собрать его и оказать помощь людям из этого народа, находившимся в свите князей, указано всем вернуться в свои племена»⁷⁴.

«Уйгурские идикуты, заинтересованные в караванной торговле, прилагали все усилия для ликвидации смуты,— говорится в одном китайском сочинении, написанном в тот период,— но принцы крови Дува и Бусма не послушались идикута Хочхара. Впоследствии ввиду того что в Бэйтине (Бешбалык) случилось много бедствий и народ не мог обрести спокойствия, [Атай-Буха] перевел государство в Хочжу (Кара-Ходжо), где укрепил стены, углубил рвы и сконцентрировал все помыслы на организации твердой обороны»⁷⁵.

С перенесением столицы идикута в Кара-Ходжо все уйгурское население также ушло на юг, в район Турфанского оазиса, а часть населения переселилась в Ганьсу и другие районы Китая⁷⁶.

Набеги Хайду и его коалиции на уйгурские города продолжались и после оставления ими Бешбалыка. Так, в 12-м году правления Чжи-юань (1275) Дува и Бусма со 120-тысячным войском окружили Кара-Ходжо. Осаждавшие кричали идикуту: «Мы преодолели сопротивление 300-тысячного войска, а ты с одним укреплением как можешь противостоять нам!». Идикут отвечал им: «Я верен своему долгу, я родился в этой крепости. Этот город является моей семьей. Здесь я родился и вырос, если я умру, этот город будет моей могилой»⁷⁷. Осада города длилась шесть месяцев и была снята лишь после того, как измученные голодом горожане выдали осаждавшим дочь идикута⁷⁸. Спустя некоторое время после этого события идикут Хочхар погиб на границе Китая, где он случайно наткнулся на войска северной коалиции⁷⁹.

Хубилай, занятый войной в Южном Китае, не мог оказать какой-нибудь помощи своему вассалу. После этих событий двор идикута окончательно покинул Кара-Ходжо и переселился в район Ганьсу под защиту Юаньской империи⁸⁰.

По поводу дальнейшей судьбы династии уйгурского идикута

мы находим следующие сведения в книге японского ученого Абе Такео: «Гаочан был столицей дома идикутов около десяти лет.

В конце концов, будучи не в состоянии выдержать натиск Хайду, первоначально они переехали в Комул (Хами), а затем, примерно в 1283—1284 гг. покинули страну, где они жили на протяжении 400 лет, и бежали в район Ганьсу, где благодаря доброжелательному отношению юаньского двора смогли положить конец своим утомительным скитаниям в Юнчане, старом обнесённом городе Чжэбэ-Тимура»⁸¹.

После переезда в Ганьсу идикут потерял остатки самостоятельности и превратился в одно из должностных лиц, которые назначались монгольским двором для управления окраинными областями юаньского государства. Как подчеркивалось в «Краткой истории уйгуров», «в это время монголы еще больше усилили свое непосредственное господство над уйгурами Гаочана. Власть идикута не распространялась на Кара-Ходжо. Идикут теперь управлял местностями, находящимися под непосредственным управлением юаньского двора. Монголы построили почтовые станции от Тайпинлина (на севере пров. Шэньси) до Бешбалыка». В ней далее указывалось, что на территории, подвластной идикуту, монголы создали те же административные и контрольные органы, которые существовали в этот период на территории Китая⁸². Сбор налогов и государственных пошлин с гаочанских уйгуров производился не идикутом, а представителями центральной власти. Причем государственные пошлины взимали по ставкам, установленным для китайских уездов и областей. Кроме того, там был учрежден банк, производивший операции с бумажными деньгами, выпущенными монгольским двором в Китае.

Уйгурским бекам было разрешено заниматься только судебными делами, касающимися уйгуров. Но даже в этой области представители юаньского двора всегда вмешивались в дела, например когда возникали споры между уйгурами и представителями других народов⁸³.

Таким образом, приведенные выше сведения китайских источников показывают, что уйгурские идикуты, добровольно подчинившиеся Чингисхану и получившие статус пятого улуса, постепенно превратились в послушное орудие монгольских ханов, лишившись последних остатков независимости. При Хубилае (1260—1294) в результате междоусобной войны его с Хайду Уйгурия сильно пострадала от военных набегов чагатайских царевичей и фактически прекратила свое существование. Часть уйгуров во главе с идикутами переселилась в Ганьсу и другие районы Китая. Оставшиеся в Турфанском и Хамийском оазисах уйгуры некоторое время сохраняли известную самостоятельность, лавируя между Юаньской империей и чагатайским государством. В 1369 г. они были завоеваны чагатайским

ханом Хазир-Ходжой, который силой оружия насаждал среди них ислам⁸⁴.

Уйгурские идикуты добровольно признали власть монголов, но расплачиваться за это приходилось народу. Полуторавекое господство монгольских сатрапов нанесло непоправимый вред народам Восточного Туркестана. Хищническая политика монгольских правителей и двойная феодальная эксплуатация сильно подорвали производительные силы страны и привели к упадку и разорению некогда плодородных и сравнительно развитых областей Восточного Туркестана и Джунгарии.

По-видимому, развалины, описанные в «Тарих-и Рашиди», относятся к этому периоду: «В пределах Могулистана существовало много цветущих областей и городов... в частности, был город Баласагун, заложенный царем [тюрков] Афрасиабом. Баласагун до времени кара-китаев находился под властью потомков Афрасиаба. Гурхан отобрал Баласагун у Илик-ханов и сделал его столицей. Почти 95 лет Баласагун служил столицей кара-китайам... Могулы называли Баласагун „Каралык“. Автор словаря „Мулхакат сорах“ пишет, что его отец был одним из ученых г. Баласагун... но в наше время нет никаких признаков этого города»⁸⁵. Далее автор «Тарих-и Рашиди» пишет: «В „Тарих-и Маджмуал Инсаф“ сказано: „Могулы называли Баласагун „Алмалык“, а ныне калмыки называют „Қайнуқ“, но нигде не встречается местность, названная „Қарлық“. И еще одним из городов, описанных в исторических сочинениях, является Тараз, и [в этих сочинениях] говорится, что могулы называли Тараз „Янги“. Янги — известная местность в Могулистане, и выходцев из Янги много встречается в Мавараннахре. В той степи, которая названа Янги, встречается много развалин городов, где видны остатки куполов, минаретов, ханака и медресэ, но неизвестно, какие именно из этих развалин носили название „Янги“. Названия многих городов уже забыты. И еще одним из известных городов [Могулистана] является Алмалык, следы которого сохранились доньше. Там находится гробница Туглук-Тимура. Там есть следы еще одного большого города... В области Джу сохранились остатки большого города, его минареты, куполы и медресэ. Так как названия этого города никто не знает, что могулы называют его „Минаретом“ (Башней). Кроме того, там есть купол и каменная плита, на которой почерком насх вырезана надпись: „Это — могила славнейшего имама... Мухаммада Факиха баласагунского. Скончался он в 711 г. х. (1311—1312 гг.). Написал это кузнец Умар Ходжа“. Джу — одна из известных местностей Могулистана, простиравшаяся на один месяц пути; городов, подобно этому, там было много»⁸⁶.

По свидетельству автора сочинения «Гефти иклим», «Хотан был некогда знаменитым городом, а в настоящее время уцелели там лишь небольшие остатки прежнего его блеска»⁸⁷. Другой

арабский автор, Абул-фида, живший в конце XIII — начале XIV в., писал о Хотане: «Это один из славнейших городов, но ныне знаменит только своими развалинами»⁸⁸.

Та же участь постигла и другие города Восточного Туркестана. «Яркент долгое время был большим и богатым городом, но потом пустел мало-помалу и уже близок был к тому, чтобы сделаться обиталищем одних диких зверей»⁸⁹. Целые районы, например Лобнор, запустели и превратились в развалины⁹⁰.

То же самое наблюдалось и в северной части страны. Крупные города — Бешбалык, Яр, Бейтин и другие, являвшиеся культурными и торговыми центрами Уйгурии, пришли в упадок, чтобы больше никогда не возродиться⁹¹.

Город Кара-Ходжо после падения идикутов утратил значение политического, экономического и культурного центра, и от него остались лишь развалины (идикут шахари), которые свидетельствовали о бурной городской жизни в прошлом⁹².

После завоевания Уйгурии чагатаидами упадок культуры уйгурских городов достиг огромных размеров. Буддийские монастыри, служившие культурными центрами, захирели. Были уничтожены многочисленные произведения буддийской литературы на староуйгурском языке, живопись и скульптура⁹³.

Быстрый упадок культуры и экономической жизни уйгурских городов в период господства чагатаидов объяснялся нестабильностью политического положения в стране, отсутствием сильной ханской власти. В течение 40 лет, прошедших со времени восстания Хайду, чагатайские улусы не смогли объединиться и создать единый центр. Как отмечалось в источнике, «в то время чагатайские царевицы, которые на протяжении долгого времени пили и ели за одним столом из одной чашки, так отделились друг от друга, что даже не обременяли себя посланиями и передачей приветов. Некоторые нашли приют у китайского двора, другие укрылись в узбекском улусе, а иные направились во владения потомков Тулуя»⁹⁴.

От междоусобия больше всего пострадали улус Чагатая в Средней Азии и Уйгурия, благосостояние которых зависело от караванной торговли. Этим объясняется тот факт, что в 1304 г., вскоре после смерти Хайду, всем монгольским правителям и среднеазиатскому купечеству было предложено восстановить единство государства в форме федерации государств под номинальным главенством монгольского императора Китая с установлением между государствами свободы торговли. Договор был заключен, но не мог войти в силу, так как уже в 1305 г. начались внутренние смуты среди самих среднеазиатских монголов. Верховная власть от потомков Угэдэя снова перешла к потомкам Чагатая⁹⁵. «С тех пор,— пишет В. В. Бартольд,— установился термин „чагатайское государство“, „чагатаями“ называли себя кочевники, составлявшие военную силу династии, и

это название осталось за ними даже тогда, когда ханов из потомства Чагатая больше не было. „Чагатайским“ был назван даже сложившийся в эту эпоху среднеазиатский литературный язык»⁹⁶.

Монгольское господство оказалось настолько пагубным для уйгуров, что они утратили даже свое прежнее этническое название и, подобно монгольским кочевникам, стали именоваться могулами, а их страна — Могулистаном.

К этому времени монголы начали подчиняться влиянию местной мусульманской культуры. Из чагатайских царевичей первым принял ислам сын Эргэне-хатун Мубарек-шах. Мусульманином стал и следующий хан — Борак (ум. в 1271 г.). Тот же самый процесс происходил и в Могулистане. Называя себя официально монголами, кочевники Могулистана в действительности сильно отличались от настоящих монголов, так как в большинстве своем давно смешались с местным уйгурским населением, говорили и одевались по-уйгурски и уже в XIV в. исповедовали ислам. Из ханов Могулистана первым принял ислам Туглук-Тимур-хан (1348—1363). Ханы, исповедовавшие ислам, порвав с кочевым образом жизни, стали поселяться в городах. Туглук-Тимур-хан перенес свою ставку из Или в Аксу. То же самое сделали Кибек (1318—1326) и его брат Тарма-Ширин (1326—1334), жившие в г. Карши. Переход ханов в города и разрыв с кочевой традицией имели неблагоприятные последствия для государственного единства: появилось двоевластие, происходили смуты, продолжавшиеся более десяти лет и нанесшие последний удар городской жизни в Семиречье и Илийском крае.

В 1340 г. при хане Казане в самом Мавераннахре вспыхнуло восстание мусульманской партии, в результате которого хан Казан был низложен и власть перешла к тюркским эмирам. Победа тюркских эмиров заставила могульских эмиров восточной части государства возвести на престол своего хана. В 1348 г. 18-летний Туглук-Тимур (внук хана Дуви) был объявлен ханом, и его область теперь стала называться Манглай субе (Авангардная область), в состав которой входили часть Восточного Туркестана, от Кашгара до Кучи, и часть Семиречья к югу от озера Иссык-Куль⁹⁷.

По поводу причины разделения чагатайского улуса на две части в литературе высказывались различные мнения. Одни говорили, что оно было вызвано междоусобной борьбой чагатайских царевичей, другие, — что оно явилось результатом возвышения дуглатских эмиров. По мнению В. В. Бартольда, несходство в культурном отношении в обеих частях чагатайского улуса было главной причиной распада его на две части⁹⁸.

По словам Бартольда, ко времени монгольского завоевания в западной части чагатайского улуса (в Мавераннахре), в Кашгаре, господствовала персидско-мусульманская культура, а в восточной — уйгурская, образовавшаяся главным образом под

влиянием китайской цивилизации. Уйгуры, оставшиеся верными буддизму или несторианству, считались самыми непримиримыми врагами ислама. Соперничество уйгуров и мусульман в Персии и Средней Азии, где силы обеих партий были равны, в конце концов неминуемо должно было привести к распадению государства, что и произошло около середины XIV в.⁹⁹

Ханы восточной половины государства, начиная с Туглук-Тимур-хана, приняли ислам и постепенно распространили его среди своего народа. Туглук-Тимур-хану в 1360 г. даже удалось подчинить себе тюркских эмиров, однако вскоре после его смерти (в 1370 г.) Мавераннахр отпал от восточной половины государства. Впоследствии там возникло государство Тимура с центром в Самарканде, а в восточной части чагатайского улуса — совершенно независимое государство Могулистан с центром в Турфане и Аксу.

В состав этого государства помимо Восточного Туркестана входили обширные области, населенные кочевниками, — Джунгария, территория современной Киргизии и Семиреченская область. Согласно «Тарих-и Рашиди», общая протяженность территории Могулистана с севера на юг и с востока на запад составляла семь или восемь месяцев пути¹⁰⁰.

«Трудно сказать, насколько эта страна в этнографическом отношении отличалась от западной половины бывших чагатайских владений, — пишет акад. В. В. Бартольд, — но в бытовом и в культурном отношениях различие было настолько велико, что даже Тимур, присоединивший Персию к своим владениям, не мог восстановить единство Чагатайского государства и прочно утвердить свою власть в Восточном Туркестане¹⁰¹. Вскоре между этими двумя государствами началась война, продолжавшаяся с переменным успехом до последних представителей тимуридов. Вследствие этого уйгурский народ не мог приобрести покоя и совершенно разорился. Многочисленные походы Тимура на Могулистан (1370—1371, 1375, 1376, 1377, 1383, 1389 и 1390 гг.) причинили неисчислимые бедствия народам этой страны. Целые города и области были опустошены, и они пришли к запустению»¹⁰².

Еще не успели оправиться от бедствий и разрухи, как со времен царствования Вейс-хана (1418—1429) страна стала подвергаться нашествиям калмыков, а затем китайцев с Востока.

Резюмируя сказанное, необходимо еще раз подчеркнуть, что вековое господство монгольских сатрапов и чагатайских царевичей в Восточном Туркестане дорого обошлось уйгурскому народу. Восстание Хайду, продолжавшееся с переменным успехом почти 40 лет, окончательно подорвало производительные силы страны. Упадок экономики и культуры уйгурских городов достиг огромных размеров. Разрушались оросительные каналы, нарушались нормальные торговые связи. Ремесленное производство падало. Еще в худшем состоянии находилась экономика:

западной части чагатайского государства по сравнению с домонгольским периодом. Как указывал В. В. Бартольд, в источниках того периода не упоминалось ни о металлической промышленности, ни о добыче каменного угля¹⁰³.

Культура народов Восточного Туркестана также находилась в глубоком упадке. По словам автора «Тарих-и Рашиди», когда «Могулистан был в расцвете, там было много ученых и сведущих людей и имелись исторические сочинения. Теперь уже прошло более ста с лишним лет, не осталось и следов ни от этих людей, ни от их сочинений, все погибло вместе с их цветущими городами, и остались только лишь кое-где развалины»¹⁰⁴.

Действительно, мы не знаем ни одного сочинения, написанного в период господства монгольских сатрапов в Восточном Туркестане, за исключением полулегендарного сочинения Джамала Карши. Не случаен тот факт, что, когда Мирза Хайдар, будучи первым министром государства Султан Саид-хана, предложил ученым написать историю Могулистана, не нашлось ни одного человека, который взялся бы за это дело, и ему самому пришлось сидеть и писать историю своей страны на основании устных преданий, распространенных среди могулов.

Проникновение ислама в Могулистан привело к беспощадному уничтожению остатков буддийской культуры страны. Однако распространение ислама среди господствовавшего класса сыграло свою роль в развитии мусульманской культуры. Усилилась идеологическая и культурная общность народов Восточного Туркестана и Средней Азии, но резкие различия между западной и восточной частью Средней Азии послужили причиной распада чагатайского улуса на два совершенно независимых государства, враждебных друг другу. Последующая война, вспыхнувшая между ними, окончательно уничтожила могущество Могулистана, и оно в дальнейшем не в состоянии было противостоять вторжениям кочевых народов, в конце концов уничтоживших его.

¹ В. В. Бартольд, История культурной жизни Туркестана, Л., 1927, стр. 85.

² Рашид ад-дин, Сборник летописей, т. I, кн. 1, М.—Л., 1952, стр. 143—144.

³ В. В. Бартольд, Туркестан в эпоху монгольского нашествия, — Сочинения, т. I, М., 1963, стр. 459.

⁴ См. там же, стр. 426.

⁵ В исторической литературе Уйгурией принято называть северо-восточную часть Восточного Туркестана с городами Урумчи, Турфан, Кара-Ходжо, Комул (Хами) и соседние местности, расположенные на юго-восток от Кульджи.

⁶ Идикут писал: «Твой раб услышал о славе высокой добродетели твоего величества; он ненавидит киданей и уже давно имел желание подчиниться твоей державе, не представлялось только случая. Последний теперь явился, когда небесный вестник приблизился к нему, и ныне самое горячее желание ~~эго~~ узреть все народы, ставшие твоими подданными». (К. Д'Оссон, Исто-

рия монголов от Чингисхана до Тамерлана, т. 1, пер. и предисл. Н. Козьмина, Иркутск, 1937, стр. 246, прил. V).

⁷ Джувейни, Тарих-и джахангушай, рук. ИВАН УзССР, № 4597, л. 24.

⁸ В. В. Бартольд, Туркестан..., стр. 427—431.

⁹ В. В. Бартольд, О христианстве в Туркестане в домонгольский период, — Сочинения, т. II, М., 1964, стр. 297.

¹⁰ С. А. Козин, Сокровенное сказание, т. I, Л., 1941, стр. 174.

¹¹ Джувейни, Тарих-и джахангушай, лл. 186—19а; см. также Рашид ад-дин, Сборник летописей, т. I, кн. 1, стр. 148. Однако Рашид ад-дин замечает, что брак с Алтун-беги не состоялся вследствие смерти Чингисхана. Идикут ушел к себе в Бешбалык. После восшествия на престол Угэдэй-хана последний, выполняя указание отца, пожаловал идикуту Алтун-беги, но до прибытия идикуты в Монголию Алтун-беги умерла. После этого каан обещал за него Аладжи-беги. Но прежде чем она была передана ему, идикут скончался. Сын его Кишмаин утвердился на отцовском престоле и взял за себя Аладжи-беги. См.: Рашид ад-дин, Сборник летописей, т. I, кн. 1, стр. 148.

¹² «Синь Юань ши», гл. 104; см. также: К. Д'Оссон, История монголов..., стр. 82.

¹³ Рашид ад-дин, Сборник летописей, т. I, кн. 2, стр. 154, 163.

¹⁴ Там же, т. I, кн. 1, стр. 151.

¹⁵ Первой жертвой Кучлука стал Озар (Бузар) — хан Алмалык. Как рассказывает Джувейни, войска Кучлука захватили его случайно на охоте, потом по приказу Кучлука он был убит. Алмалык был осажден и взят. Ножители Кашгара и Хотана отказались подчиниться Кучлуку. Посланный им в Кашгар в качестве наместника сын бывшего кашгарского хана (Арслан-хан Абул Фаттах Мухаммад) был убит мятежными эмирами еще прежде, чем успел вступить в город. Чтобы наказать кашгарцев за убийство его наместника и покорить эту страну, Кучлук послал войска, которые опустошили ее во время жатвы. Он возобновлял эти набеги ежегодно в течение двух-трех лет, и кашгарцы, наконец, были вынуждены из-за голода покориться. См.: Джувейни, Тарих-и джахангушай, л. 336.

¹⁶ Там же, л. 34а.

¹⁷ См. там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же, лл. 34, 35.

²⁰ Рашид ад-дин, Сборник летописей, т. I, кн. 1, стр. 194.

²¹ Ан-Нисавий, Сират ас-Султан Джалал ад-дин Манкуберти, гл. 14, стр. 32; перевод см. «Материалы по истории киргизов и Киргизии», вып. I, М., 1973, стр. 91—92; см. также: В. В. Бартольд, Туркестан..., стр. 462.

²² Джувейни, Тарих-и джахангушай, л. 436.

²³ «Юань ши», гл. 122, л. 26.

²⁴ См. там же, гл. 134, л. 4а, цит. по: А. Г. Малявкин, Уйгурское турфанское княжество в XIII в., — «Труды института истории, археологии и этнографии им. Ч. Валиханова АН КазССР», т. 15, 1962, стр. 62.

²⁵ Рашид ад-дин, Сборник летописей, т. I, кн. 1, стр. 100.

²⁶ Там же.

²⁷ «Юань ши», гл. 124, л. 4а—б.

²⁸ Там же, гл. 134, л. 4а.

²⁹ Там же.

³⁰ «Очерки истории Китая с древности до „опиумных“ войн», ред. Шан-Юэ, М., 1959, стр. 369.

³¹ Джувейни, Тарих-и джахангушай, л. 136.

³² «Юань ши», гл. 130, 133.

³³ Рашид ад-дин, Сборник летописей, т. II, М.—Л., 1960, стр. 102, 120.

³⁴ «Юань ши», гл. 131.

³⁵ В. В. Бартольд, Туркестан..., т. I, стр. 452, 453.

- ³⁶ Рашид ад-дин, Сборник летописей, т. I, кн. I, стр. 142; т. II, стр. 46.
- ³⁷ Там же, стр. 64, 120.
- ³⁸ В. В. Бартольд, Туркестан..., стр. 543.
- ³⁹ См. там же, стр. 468.
- ⁴⁰ Д. И. Тихонов, Хозяйство и общественный строй Уйгурского государства X—XIV вв., М.—Л., 1966, стр. 58.
- ⁴¹ Там же, стр. 50.
- ⁴² Джуейни, Тарих-и джахангушай, лл. 246—25, 276.
- ⁴³ Рашид ад-дин, Сборник летописей, т. I, кн. I, стр. 143.
- ⁴⁴ «Краткая история уйгуров», Урумчи, 1960, стр. 24 (на уйгур. яз.).
- ⁴⁵ Д. И. Тихонов, Хозяйство..., стр. 128—135.
- ⁴⁶ Мирхонд, «Раузат ас-сафа», ИВ АН УзССР, № 1813, кн. 5, стр. 287.
- ⁴⁷ Д. И. Тихонов, Хозяйство..., стр. 97.
- ⁴⁸ См. там же.
- ⁴⁹ См. там же, стр. 99—110.
- ⁵⁰ См. там же, стр. 103.
- ⁵¹ Н. Ц. Мункуев, Китайский источник о первых монгольских ханах, М., 1965, стр. 58.
- ⁵² «История Монгольской Народной Республики», изд. 2, М., 1967, стр. 118.
- ⁵³ «Путешествия в Восточные страны Плано Карпини и Рубрука», М., 1957, стр. 46.
- ⁵⁴ «История Монгольской Народной Республики», стр. 118.
- ⁵⁵ Рашид ад-дин, Сборник летописей, т. II, стр. 141.
- ⁵⁶ Е. Бретшнейдер, Исторические, топографические и другие сведения о Киргизстане и сопредельных странах в средневековых сочинениях восточных авторов (извлечения), гл. 118, Шанхай, 1875.
- ⁵⁷ См. там же.
- ⁵⁸ См. там же.
- ⁵⁹ Радлов, док. № 57, цит. по кн.: Д. И. Тихонов, Хозяйство..., стр. 179.
- ⁶⁰ См. там же.
- ⁶¹ Рашид ад-дин, Сборник летописей, т. II, стр. 49, 190.
- ⁶² См. там же.
- ⁶³ См. там же, стр. 190.
- ⁶⁴ См. там же, стр. 142.
- ⁶⁵ См. там же.
- ⁶⁶ См. там же, стр. 141.
- ⁶⁷ На исторических картах Китая, изданных под редакцией Ван Шу-ши, Средняя Азия включена в состав Юаньской империи, что противоречит исторической действительности.
- ⁶⁸ «Аноним Исандара», «Сочинение Муин ад-дина Натанзи, рук. ЛО ИВ АН СССР, С 381, л. 2426; перевод см. «Материалы по истории киргизов и Киргизии», вып. I, стр. 116.
- ⁶⁹ «История Мар Ябалахи III и Раббан Саумы», иссл. и пер. Н. В. Пигулевской, М., 1958, стр. 67.
- ⁷⁰ Рашид ад-дин, Сборник летописей, т. II, стр. 164.
- ⁷¹ В. В. Бартольд, История Туркестана, Ташкент, 1922, стр. 37.
- ⁷² Там же.
- ⁷³ В. В. Бартольд, Туркестан..., стр. 538.
- ⁷⁴ «Юань ши», гл. 122, л. 3а.
- ⁷⁵ Вэй Су, Синьду гун шэнь-дао бэй (Стела на пути духов в честь его превосходительства Синьду 1362 г.), цит. по кн.: А. Г. Малявкин, Уйгурское турфанское княжество в XIII в., стр. 64. Перевод ср. E. W. Cleaves, The Sino-Mongolian inscription of 1362,—HJAS, vol. 12, 1949, стр. 32.
- ⁷⁶ Там же.
- ⁷⁷ «Юань ши», гл. 122; см. также «Краткая история уйгуров», стр. 24.
- ⁷⁸ Там же.
- ⁷⁹ Там же.
- ⁸⁰ «Юань ши», гл. 122, стр. 46.

⁸¹ Abe Takeo, Where was the capital of the West uighurs?, Kyoto, 1954, стр. 438.

⁸² Д. И. Тихонов, Хозяйство..., стр. 60.

⁸³ «Краткая история уйгуров», стр. 25.

⁸⁴ Преемник и сын Хазир-Ходжи Мухаммад-хан (1408—1416) усердно заботился о распространении ислама в своих владениях. По Мухаммад Хайдару, все могулы должны были носить чалму; непослушным вбивали в голову гвозди. Ему приписывается постройка знаменитого здания Ташрабат на северном берегу оз. Чатыр-Куль. См. «Тарих-и Рашиди», Сочинение Мирзы Хайдара, ИВ АН УзССР № 1430, лл. 386—36а.

⁸⁵ «Тарих-и Рашиди», л. 235б.

⁸⁶ Там же, л. 236а.

⁸⁷ «Гефти иклим», Сочинение Амина Ахмед Рази, рук. ИВ АН УзССР, № 7533, л. 490б.

⁸⁸ В. В. Григорьев, Землеведение Азии К. Риттера, География стран Азии, находящихся в непосредственных сношениях с Россией. Восточный или Китайский Туркестан, пер., прим. и доп. В. В. Григорьева, вып. I, СПб., 1869, стр. 42; вып. II, 1873.

⁸⁹ Там же, стр. 110; см. также «Гефти иклим», л. 490б.

⁹⁰ В. В. Григорьев, Землеведение Азии К. Риттера..., вып. II, стр. 325.

⁹¹ В. В. Долбежев, В поисках развалин Бешбалыка,—ЗВОРАО, т. XXIII, СПб., 1915, стр. 77—122.

⁹² Г. Е. Грумм-Гржимайло, Описание путешествия в Западный Китай, М., 1948, стр. 210—255; см. также Д. И. Тихонов, Хозяйство..., стр. 85, 239.

⁹³ Там же.

⁹⁴ «Аноним Искандара»,— в кн. «Материалы по истории киргизов и Киргизии», стр. 114.

⁹⁵ В. В. Бартольд, Чингизиды,— Сочинения, т. II, ч. I, М., 1963, стр. 152.

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ В. В. Бартольд, Очерк истории Семиречья, Фрунзе, 1943, стр. 65.

⁹⁸ В. В. Бартольд, Статьи и рецензии,— Сочинения, т. VIII, М., 1973, стр. 66.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ «Тарих-и Рашиди», л. 235а; см. также: В. В. Бартольд, Очерк истории Семиречья, стр. 66.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² «Зафар Наме», Сочинение Шараф ад-Дина Али Йезди,— в кн. «Материалы по истории киргизов и Киргизии», вып. I, Извлечения, стр. 129—148.

¹⁰³ В. В. Бартольд, История культурной жизни Туркестана,— Сочинения, т. II, ч. I, М., 1963, стр. 264.

¹⁰⁴ «Тарих-и Рашиди», лл. 86а—б.